

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Очерк работ Гобийской
партии Ученого Комитета
МНР (июль-ноябрь 1927 года)

メタデータ	言語: ru 出版者: 公開日: 2010-03-23 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: A. D. , シムコフ メールアドレス: 所属:
URL	http://hdl.handle.net/10502/3849

А. Симуков

Очерк работ Гобийской партии Ученого Комитета МНР (июль-ноябрь 1927 года)

В самом конце июня истекшего года выяснилась возможность снаряжения небольшой экспедиции для обследования малоизвестной юго-западной окраины МНР. Руководство экспедицией Ученый Комитет поручил мне.

12 июля экспедиция в составе моем, моего помощника по музею Джергала, М.А.Симуковой – коллектора по ботанике и фотографа, и рабочего-повара выехала на автомобиле по направлению к Ламаин-гэгэну.

Без особых приключений мы добрались до Ламаин-гэгэна. Из этого куреня мы с Джергалом налегке, пользуясь местной сомонной дорогой, съездили на низовья р. Байдараг, для обследования тамошнего земледелия.

Не задерживаясь на описании дороги, перейду прямо к характеристике земледелия в этом районе.

Байдарагские пашни находятся в низовьях р. Байдараг, верстах в 30 выше впадения этой реки в оз. Боон-Цаган-нур, на северной окраине так называемой Озерной Котловины. Котловина эта протянулась между хребтами Монгольского Алтая и Хангаем. В самых низких местах ее находятся бессточные озера-испарители стекающих с южного склона Хангая рек. Характер Озерной Котловины типичный северно-гобийский. Поверхность ее - галечная пустыня с редкой гобийской растительностью. Местами встречаются участки песков.

Засеваемые участки раскинуты мелкими клочками на пространстве нескольких верст на речных наносах р. Байдараг, в непосредственной близости от последней. Почва пашен суглинистая, хорошего качества. Строение ее мелко-комковато-пылеватое, цвет светлый, серо-каштановый (сырая) или светло-серый (сухая). Толщина почвенного слоя значительна – в массе не менее 30 см.

Пашни орошаются с помощью канав, проводящих воду из реки. Запас воды в реке большой и используется в очень незначительных размерах.

При мне (конец июля) расход воды был примерно, 20 куб. метров в секунду, при скорости течения 1 м в сек. Река течет большей частью в одном русле и вообще не имеет тенденции разливаться широкими шиверами.

Площадь пашен незначительна – она не превышает нескольких десятин.

Занимаются земледелием здесь исключительно местные монголы, унаследовавшие это занятие с весьма давних времен. Сеют ячмень и пшеницу (безостую). Семена высевают поздно - около 15 числа последнего весеннего месяца, разбрасывая прямо по земле и потом запахивая их примитивной сохой китайского типа. Семенной материал не очищают и не сортируют, поэтому засоренность посевов весьма сильная. После посева несколько раз производится поливка. На этом и кончается уход за пашней. Уборка производится в августе. Растения либо просто выдираются с корнем руками, либо срезаются крайне примитивным тупым серпом. Молотят топтанием, прогоняя по сжатому и сложенному на естественном току хлебу скот. Отобрав солому специальными вилами, зерно провеивают на ветру с помощью деревянной лопаты с длинной ручкой. Мелют ручными жерновами, обжаривая предварительно зерно и получая, таким образом, так называемую “дзамбу”. Простую муку мелют редко и понемногу.

Степень урожайности мне показать не могли или не хотели. Несомненно, что урожай мог бы быть вполне приличным, даже при таком примитивном способе обработки, если бы не засоренность и вредители. По ночам на пашни приходят хуланы и хара-сульты; кроме них на посевы нападает целая армия грызунов и крупных и мелких зерноядных птиц (журавли, дикие утки, куропатки и мелочь). Кроме всего этого, большой вред приносят и насекомые.

Хлебопродукты потребляются на месте и расходятся среди ближайшего населения.

Система землепользования – пар через год, т.е. половина пашни ежегодно пустует. По словам местных жителей, площадь посевов медленно уменьшается. Причины – паводки, заносящие пашни песком и галькой, засоление и нежелание или неспособность тарячинов бороться с этим и засеять новые участки.

Власти совершенно не вмешиваются. Налогов за землепользование не взимают. Госпомощь отсутствует.

Несомненно, что при небольшой помощи в смысле руководства, выдачи более совершенных орудий и т.п., этот маленький оазис гобийского земледелия можно было бы значительно расширить. Запас воды имеется

большой, запас неиспользованных участков тоже немалый. Потребность же окружного населения в хлебе велика.

Байдарагские пашни - чрезвычайно отрадный оазис на фоне унылой галечной пустыни. Переход от этой последней к ярко зеленым пятнам посевов, раскинутым по берегам быстрой, светлой и глубокой реки, внезапен. С высот обрывистого правого берега долины (левый полог) открывается широкий вид. Равнина Озерной Котловины на западе и востоке легкими волнами уходит за горизонт. На юге высятся стены мощных хребтов Гобийского Алтая, непосредственно, без всяких предгорий, встающие над красноватой пустыней. На вершине громады Ихэ-Богда виднеется пятно вечного снега. На севере же, полого подымается, усеянное каменистыми холмами, окраинное вздутие Хангайского массива.

Собрав образцы хлебов и почвы и выяснив все вышеизложенное, мы выехали обратно в Ламаин-гэгэн. Сытые кони местных сомонов галопом несли нас по богатым степным долинам Хангая и до Ламин-гэгэна (около 225 верст) мы доехали в полтора дня.

* * *

3-го августа наш караван – 4 вьюка и 5 верховых (с проводником) – вышел из Ламин-гэгэна на юг. Не задерживаясь в малоинтересной и к тому же известной еще по Потанину местности, мы прошли большими 40-верстными переходами через предгорья Хангая и поперек Озерной Котловины и остановились в самом интересном ущелье северного склона Ихэ-Богдо – Битютэн-ама.

Основная цепь Монгольского Алтая, весьма высокая на крайнем западе Монголии, где имеются мощные ледники и многочисленные снежные вершины, тянется далеко на востоко-юго-восток. Имея в своей центральной части несколько параллельных цепей, она почти достигает невысокими скалистыми хребтами восточной своей части меридиана Улан-Батора. Сильно сниженная уже на меридиане Улясутая, цепь эта неожиданно снова достигает линии вечного снега в массивах Ихэ и Бага-Богдо, снова снижаясь далее к востоку.

Ознакомление с альпийским поясом Ихэ-Богдо было второй задачей экспедиции.

Ущелье Битютэн-ама, как заслуживающее особенного интереса, уже посещалось исследователями. Так, в нем работал отряд экспедиции П.К.Козлова, в частности, орнитолог экспедиции - Е.В.Козлова. Кроме того, это ущелье посетил Зоологический отряд экспедиции по исследованию Северной Монголии РАН. Но, как видно по кратким отчетам и заметкам,

а также по расспросам местных жителей, исследователи эти не заглядывали в верховья ущелья, представляющие особый интерес. Мы же с большими трудностями добрались до истоков ущелья и пятен вечного снега.

Ущелье Битютэн-ама, являясь в своей верхней части продольным, раскалывает самую высокую часть массива надвое. Поворачивая далее к северу, оно становится поперечным и открывается в северную пустыню. Вершина ущелья – типичный ледниковый пейзаж с карами, мощными моренами и т.п. Растительность тут альпийская. Имеется даже небольшой лесок карликовой полярной ивы. Везде сочится вода, собирающаяся в шумную речку, бешено прыгающую по огромным ледниковым валунам. Стада яков привольно бродят по густотравным альпийским лугам, над которыми вздымаются оголенные скалы самого верхнего пояса. Разреженность воздуха, при высоте свыше 3000 метров абсолютной высоты, чувствуется сильно, особенно после пустынной и жаркой Озерной Котловины. Свернув к северу, ущелье теряет ледниковый характер, сужается. Речка дико грохочет в глубоком и узком каньоне-коридоре с отвесными стенами до 15 метров высоты, пробитом ею в скале. Кое-где по окраинам лепятся тополя и отдельные экземпляры березы. В самом узком месте вода с шумом падает с пятисаженного уступа, образуя красивый водопад, окруженный отвесными стенами голых скал. Здесь уже к альпийской растительности примешиваются элементы горно-гобийской флоры. Еще ниже каньон кончается, ущелье расширяется и склоны его принимают типичный гобийский характер. По выходе в пустыню многоводная речка быстро теряется в толще слоя горных выносов.

Таким образом, в ущелье Битютэн-ама можно наблюдать на пространстве каких-нибудь 10-12 верст переход от гобийской флоры к типично альпийской. Только в этом ущелье нами было собрано около 100 видов растений, характеризующих этот переход. Отмечу наличие, столь характерной для альпийских лугов запада, горной индейки (хойлык).

Окончив обследование Битютэн-ама, мы перевалили массив Ихэ-Богдо одним из [его] самых высоких перевалов (Сэпсул-даба). С соседней перевалу вершины открывается вид на гребень массива, представляющий собою высокое, широкое и плоское альпийское плато, изрезанное глубокими щелями ущелий. Ихэ-Богдо является как бы конденсатором осадков и, хотя в окрестной пустыне стояла засуха, пока мы были в пределах этого массива, нас мочили обильные дожди или обволакивали тяжелые дождевые тучи. Спустившись по южному склону массива, где нами отмечено большое количество тарбаганов, мы одним большим переходом по пустыне достигли местности Лэг и там задержались надолго.

Здесь в Лэге также имеются монгольские пашни, во многом отличающиеся от Байдарагских.

Давность лэгского земледелия, как и на Байдараге, большая. Все эти гобийские очаги земледелия местное предание приписывает некоему Цаган-Бар-гуну, жившему давно, еще до Чингиса. В те времена воды в Лэге было значительно больше, так что Цаган-Бар-гун мог обработать значительную площадь. В настоящее время площадь пашен невелика.

Почва глинистая, лессового характера, сильно истощена на поверхности и при отсутствии удобрения и несовершенной обработке земледельцы применяют залежную систему, возвращаясь к определенному участку каждый пятый год. Иначе говоря, ежегодно пустует 4/5 всех пашен. Кроме того, здесь, как и на Байдараге, общее количество пашни год за годом уменьшается. Причин этому несколько: засоление (очень неравномерное), паводки, нехватка воды и т.п. Удобной для посевов целины нет, так как вся пригодная под пашню площадь когда-то засеивалась.

Сеют ячмень и безостую пшеницу. Последнюю меньше. Определенной смены сева обеих культур нет. Обработка та же, что и на Байдараге. Плуг еще примитивнее Байдарагского. Тяга-верблюд. Высевают оба вида одновременно в II-м месяце монгольского счета, жнут в начале августа. Вегетационный период, по мнению тарячинов, равен 120 суткам.

Все работы на пашне, имеющие круговое движение, производятся не “посолонь”, а против солнца. Значение этого обычая мне объяснить не сумели.

Вся пахота и вода Лэгин-гола принадлежат Ламаин-гэгэнскому хиду. Местные жители засевают, если хватит воды, оставшиеся пригодные клочки. Монастырская пашня делится на две половины: лично гэгэнскую и чжясы Дуйнхор-дацана. Вне монастырской пашни собственности на землю нет. Водой частные лица пользуются после поливки монастырского поля. Обрабатываются монастырские пашни местными жителями, работающими добровольно за харч: на 10-15 чел. два барана и небольшое количество зерна. Ламы – доверенные монастыря приезжают на время вегетации и уезжают, собрав урожай. В 1927 году было собрано всего около 700 пудов зерна. Весь хлеб с ламских пашен идет на нужды монастыря. Вследствие засухи, население в этом (1927) году на Лэге редкое, а на юг и юго-запад вообще никого нет.

* * *

Оставив груз и двух спутников на Лэгин-голе, я с Джергалом поехал налегке, на сменных лошадях, в курень Юм-бэйсе, отстоящий от Лэга по

прямой линии на 150 верст к западу. Поездка эта выяснила характер местности внутри треугольника Ихэ-Богдо, Ихэ-Баян-Цаган и кум. Йосту-бэйсе. Начиная от Лэга, местность к западу все повышается. У юго-западного подножья Ихэ-Богдо течет речка Цаган-гол, по которой также видны следы пашен Цаган-Бар-гун'а. Местные жители прекратили посевы в 1926 году из-за нехватки воды. Таким образом, этот очаг земледелия следует считать угасшим, може быть, временно. Западнее Цаган-гола небольшие пустынные долины перемежаются мелкими группами холмов и горок, причем, местность все повышается. На севере один за другим открываются хребты Алтая: низкие Ноян-хяр, Таряты, затем высокий Бай-Баян и далее – длинный вал Гичигин-нуру. Незначительные гряды южной ограды описываемого треугольника повышаются к западу и Юм-бэйсе лежит у южного подножья уже значительного хребта – Бай-хунгур. Верхний угол треугольника западнее меридиана Юм-бэйсе значительно поднят над уровнем моря и характеризуется степной флорой, а из животных – тарбаганом и цаган-дзере. Хребты Гичигин-нуру и Баян-Цаган отличаются сглаженностью вершин и полу-альпийским характером флоры. В северных ущельях Гичигин-нуру кое-где попадаетея лиственница. Это - ее восточная граница в Монгольском Алтае.

Курень Юм-бэйсе лежит, таким образом, на грани области высоких степей - к северу от него, и равнин Центральной Гоби - к югу.

Вследствие засухи пустыня к югу от Юм-бэйсе в 1927 г. была совершенно безлюдна. Собрав нужные мне сведения, мы вернулись в Лэг.

3-го сентября экспедиция вышла из Лэга на юг и двумя 50-тиверстными переходами достигла хребта Нэмэгэту, находящегося, как указано выше, в средней параллельной цепи Гобийского Алтая. На пространстве этих 100 верст мы не встретили ни одного человека: засуха выгнала всех к высоким горам.

В горах Нэмэгэту, впервые после Лэга, мы встретили людей. Экскурсии в этом хребте задержали нас дня на три. Горы Нэмэгэту заметно выделяются своей высотой среди ближайших хребтов той же цепи. Хребет этот неширок, но весьма крут и скалист. Лишь в самой высокой части, его вершины несколько сглажены и лишены скал. Из растений характерен можжевельник (арца), из животных – обычные представители фауны Гобийского Алтая: горный козел, аргали и барс, а из птиц любопытна горная индейка, в соседних хребтах не встречающаяся.

С вершин Нэмэгэту открываются поистине необъятные горизонты. В некоторые стороны видно не менее, как за 200 верст.

Перевалив горы весьма крутым (особенно с юга) и каменистым

перевалом, мы вышли в следующую к югу долину-желоб и увидели крайнюю южную цепь Гобийского Алтая, именно: горы Тосоту, Ноян-Богдо и Дэнг. Пересекши долину, мы остановились на северной окраине первого из этих хребтов. Здесь мы простояли восемь дней, ожидая из хошунного управления верблюдов для дальнейшего следования. Я охотился и добыл для нашей зоологической коллекции несколько хороших экземпляров горного козла. Охота за этим красивым зверем настолько же увлекательна, сколь и трудна. Держится янгер (монгольское название этого козла) исключительно по самым труднодоступным скалам. Коричневато-серая окраска его шерсти делает, подчас, целое стадо козлов совершенно незаметным среди темных от пустынного загара скал. Янгер чуток и осторожен, а лазание по скалам и осыпям требует большого физического напряжения и иногда небезопасно.

* * *

Из гор Тосоту экспедиция вышла по двум направлениям: моих трех спутников и груз я направил на восток, в соседние горы Ноян-Богдо, а сам налегке, с двумя местными жителями, на пяти верблюдах, направился в длинный разъезд на юго-запад, в самые дикие местности Центральной Гоби.

Пересекши горы Тосоту наискось, мы вышли к западной оконечности этих гор, на окраину Центрально-Гобийской впадины.

Центральная и вместе с ней Южная Гоби занимают громадный район, лишь северная окраина которого входит в территорию МНР. Границами этого района служат: на севере - Гобийский Алтай, на востоке - большая излучина Желтой реки, на юге-заселенная полоса пров. Гань-су, протянувшаяся у северного подножья Нань-Шаня, на западе - пустыни Хамийская и Джунгарская и, разделяющая их, восточная оконечность хребта Тянь-Шань. Стекающая с ледников Нань-шаня река Эцзин-гол, оканчивающаяся близ границы МНР двумя озерами, делит весь район на две половины, разные по характеру. В западной части преобладает галечная пустыня, весьма маловодная и пересеченная несколькими большими грядами гор и холмов (Цаган-Богдо, Бэй-шань и пр.). Восточная же часть, особенно в своей южной половине, весьма богата сыпучими песками. Местами имеются настоящие песчаные моря. Гор в этой половине почти нет или они незначительны. Лишь на восточной границе вздымается громада Алашаньского хребта.

Местность к югу от гор Тосоту и Ноян-Богдо представляет собой пологую, пустынную, весьма маловодную покатость к озерам - испарителям Эцзин-гола. Последних два: Сого-нур и Гашун-нур. Но об Эцзин-голе и

этих озерах ниже.

С южного склона гор Тосоту я увидел синеющий далеко на юго-западе зубчатый силуэт гор Цаган-Богдо, по прямому направлению к которым мы двинулись. В этой части пустыни не был еще ни один исследователь. Пустынная растительность, очень хорошая в этом году в районе гор Тосоту и Нэмэгэту, в верстах 40 от Тосоту как-то сразу исчезла. Мы шли по совершенно голому галечнику. Лишь кое-где торчали полузасохшие пустынные кустарники. Жизни – никакой. По дороге мы пересекали гряды мрачных, черных холмов и обожженных солнцем скал. Воды не встречали на пространстве 70 верст. Ближе к горам Цаган-Богдо, мы впервые увидели старые следы одиноких диких верблюдов.

У ключа Бильгэхи встретили первых на этом пути хуланов. Придя к северному подножью Цаган-Богдо, мы стали на ключе Сучжи.

Чрезвычайно дикий и скалистый массив Цаган-Богдо является крайним к востоку хребтом длинной (до 300 верст) цепи, протянувшейся в широтном направлении. Последовательно к западу отдельные звенья этой цепи носят названия: Хохо-Томорту (сливается с Цаган-Богдо), Цзара хайрхан, Ата-Богдо, Дугай-хайрхан и далее Ата-Богдоин-нуру.

Цепь эта исследована лишь частично Ладыгиным (Камская экспедиция П.К.Козлова 1899-1901 г.г.) и мной (в истекшем году). Ее крайняя западная треть совершенно неизвестна. Также неизвестна, за исключением узкой полосы Ладыгинского маршрута, и пустыня к северу, а главным образом, к югу от этой цепи. Колоссальные пространства представляют собою совершенную *terra incognita*, по которой бродят дикие верблюды да изредка, неведомыми путями, проезжают шайки разбойников – обитателей южной окраины пустыни, с целью грабежа пограничного населения Халхи.

На ключе Сучжи мы простояли три дня. Интересно было наблюдать почти первобытную жизнь фауны этих мест, небогатой, правда, в этом году количеством особей: в засуху большинство крупных животных укладывается в более благоприятные места. К ключу среди бела дня подходили табунки хуланов, аргали, со скал пришло стадо козлов. Охотились мы, почти не выходя из палатки.

К удивлению, я нашел около ключа следы небольших плантаций. Проводник рассказал мне, что в начале этого столетия в Цаган-Богдо пришло несколько партий китайцев, осевших по некоторым ключам и занимавшихся, главным образом, разведением мака для получения опиума. Следы этих плантаций имеются на ключах (кроме Сучжи), Эхи-гол, Шарухулусун, Цаган-Булаг и Тоорай-шанда. Последние три мною посещены. Выгнал китайцев из этих глухих уголков Джа-Лама.

От Сучжи мы прошли к западу еще около 100 верст, причем, за исключением 25 верст, шли по совершенно незнакомой проводникам местности, пользуясь схемой съемки Ладыгина. Проплутав немного и переночевав раз совершенно без воды, мы добрались до ключа Цаган-Бургусун, где остановились на несколько дней. До Цаган-Бургусуна дорога шла у северного подножья горы Хуху-Тумурту. На пути мы видели свежие следы медведя, водящегося в небольшом количестве в этой горной цепи. Чрезвычайно интересен факт нахождения медведя в совершенно гобийской по характеру местности. О наличии этого зверя здесь сообщал еще Ладыгин. К сожалению, нехватка воды помешала розыскам зверя, а далее свежих следов мы уже не встречали.

Урочище Цаган-Бургусун и, лежащий в 15 верстах далее, к западу, Шара-хулусун, куда я также съездил, представляют собой удивительно отрядные уголки, среди окрестной пустыни. Порядочные ключи, рощи тополей, заросли камыша и тамариска резко контрастируют с унылыми окрестностями. В Шара-хулусуне камышовые джунгли подчас почти непроходимы для человека и достигают вышины в 3 метра. Попадаются тополя свыше двух обхватов в толщину. И все-таки, места эти совершенно бесплодны, хотя лет 20 тому назад там и кочевали халхасы. Зверства Джаламы и несколько лет засухи отпугнули кочевников от этих привольных мест. Через Шара-хулусун проходит дорога из Юм-бэйсе в Ань-си и далее через Цайдам – в Тибет. Кроме того, в последнее время здесь стали ходить караваны из Гучена и Баркуля на Хуху-хото.

Подробно ознакомившись с обоими урочищами, я повернул назад, сделав внутри гор небольшую петлю.

Не доходя Сучжи, мы перевалили на южный склон хребта и остановились в урочище Цаган-булык, у южного подножья массива Цаган-Богдо. На юг лежала совершенно неизвестная местность. Видно было понижение с громадным тойримом (дно временного озера) посредине, а дальше – целый ряд неведомых холмистых гряд. Свежие следы диких верблюдов у следующей воды (Тоорай-шанда) вызвали поездку верст на 30 к югу, безрезультатную в смысле охоты, но ознакомившую с уголком неизвестных пространств. И в этой дикой пустыне я увидел урочище, весьма богатое тополями и тамариском, не говоря уже о саксауле. В роще тополей я нашел старый пенёк в 4 обхвата, высохший до полной белизны и невольно задал себе вопрос: “Чьим современником был этот гигант в молодости?”

От урочища Тоорай шанда, возвращаясь к горам Тосоту, мы сделали небольшую дугу к югу и прошли, не встречая воды, около 110 верст. На этом пути мы первый и последний раз встретили диких верблюдов и

добыли для коллекции прекрасный экземпляр старого самца-бура.

Дикий верблюд распространен сейчас в самых диких районах Центральной Гоби, Таримской впадины и Чжунгарской пустыни. В пределах МНР он изредка появляется на юго-западной окраине. Это настоящий пустынный житель, способный оставаться без воды весьма долгое время. Определенного узкого района обитания дикий верблюд не признает и бродит, где ему вздумается, проходя часто почти без остановок громадные пространства. Чрезвычайно чуток и осторожен. Раз испугнутый, он несется с бешеной скоростью ветра и пробегает без остановки весьма большие расстояния. Поэтому охота на диких верблюдов весьма трудна. Очень немногие европейцы могут похвастаться тем, что видели или застрелили хабтагаю (монгольское его название). Внешним видом дикий верблюд почти не отличается от домашнего. Осенью чрезвычайно жирен. Мясо и сало отличаются весьма приятным вкусом и нежностью.

Сделав от места встречи с верблюдами ночной переход по совершенно бесплодной пустыне, мы вышли через ключ Сэбистэй к населенным местам и, пройдя вдоль южного склона гор Тосоту по густо населенной халхасами полосе ключей и колодцев, дошли до лагеря моих спутников в горах Ноян-Богдо.

* * *

Услышав от местных жителей о прибытии на Эцзин-гол какой-то европейской экспедиции и желая пополнить результаты своей экспедиции некоторыми материалами по этому интересному оазису, я с М.А.Симуковой, взяв местного проводника, выехал 31-го октября из Ноян-Богдо на Эцзин-гол. Поехали мы совсем налегке и покрыли в три дня расстояние почти в 150 верст, отделяющее северный склон Ноян-Богдо от ур. Торцо на Эцзин-голе.

Путь этот пролегает по почти бесплодной галечной равнине, местами слегка всхолмленной и слабо покатой к Эцзингольским озерам. Воды мало. Колодцы сосредоточены у подножья Ноян-Богдо, а далее, на пространстве свыше ста верст, имеется (на нашем пути) лишь один колодец Балбырха, через который проходит южная граница МНР. Эцзин-гол, таким образом, относится к Внутренней Монголии.

Под вечер 2-го ноября, идя по совершенно бесплодному галечнику, мы увидели, наконец, вдали высокие песчаные барханы окраины оазиса и светлую полосу озера Сого-нур, которое мы этим же вечером миновали. Озеро это имеет до 20 верст в поперечнике. Северный берег его пустынен и на его обрывах сложено высокое обо (Боро-обо), служащее маяком для идущих с севера. К южному же берегу подходят камыши и заросли

тамариска дельты Эцзин-гола.

Местное население – эцзин-гольские торгоуты – встретило меня как старого знакомого, весьма радушно. Знали они меня еще по экспедиции П.К.Козлова.

От ур. Торцо мы пошли вверх по крайнему восточному руслу дельты, имея слева широкую грядку совершенно бесплодных песчаных барханов. При малейшем ветре барханы эти начинают куриться и тонкий, чистый песок, их составляющий, пересыпается в направлении ветра.

На нашем же пути заросли тамариска, местами непролазные, сменялись рощами корявых пустынных тополей, обросшими тамариском барханами и покрытыми мелким тростником открытыми площадками. Пройдя за два дня около 50 верст, мы остановились в ур. Бухан-хуб, среди красивых тополевых рощ. Место это находится недалеко от главного русла Эцзина - Ихэ-гола.

Утром в шагах ста от палатки я заметил стайку фазанов. Красивые длинохвостые птицы, как курицы, копались в земле на совершенно открытом месте. Удачно подобравшись, я застрелил хорошего петуха. Несколько позже мы с проводником поехали в лагерь европейской экспедиции, расположившийся версты на 4 выше нас, на левом берегу Ихэ-гола. Подъехав, мы увидели, живописно раскинувшийся в роще тополей на берегу реки, большой оживленный лагерь. На высоком флагштоке реял шведский флаг. Среди многочисленных палаток и нескольких юрт сновали люди. Начальником и организатором экспедиции оказался известный шведский путешественник д-р Свен Гедин. Во время завтрака за общим столом он познакомил меня с его сотрудниками. Разговор велся на немецком языке.

Экспедиция эта называется “Китайско-Шведской” и организована д-ром Гедином для исследования Центральной Гоби и Тянь-Шаня, главным образом, в климатическом отношении. Для этого по пути следования экспедиции устраивается ряд временных метеорологических станций. Вышла экспедиция из Пекина весной 1927 года, прошла на Баоту, затем, через Урат-аймак и Алашань – на Эцзин-гол. Отсюда экспедиция в дальнейшем двинулась на Хами, где и предполагала зимовать. Дальнейший путь ее неизвестен.

Состав экспедиции – около 80 человек. Из них свыше 20 – научные сотрудники: шведы, немцы и китайцы.

Груз идет на экспедиционных верблюдах, число которых достигает 300.

Затем, д-р Гедин пригласил меня с женой назавтра к прощальному завтраку, так как 8-го ноября (дело происходило 6-го) было назначено

выступление его каравана в дальнейший путь.

7-го ноября, около полудня, мы вдвоем с женой верхом на верблюдах подъехали к лагерю Гединовской экспедиции. Костюм наш оставлял желать много лучшего, так как обносились мы изрядно.

Еще переезжая широкое русло Ихэ-гола, в котором местами текла оставшаяся после половодья вода, мы заметили в лагере оживление. На берегу собралась группа сотрудников и стоял киносъёмочный аппарат. Наш приезд был заснят на кинофильму. В лагере д-р Гедин показал нам прекрасно оборудованную метеорологическую станцию, которая проработает на Эцин-голе не менее года. Сотрудникам его я дал ряд сведений по географии западной Гоби, ее фауне и флоре. Лишь около заката солнца мы, сердечно распрощавшись с гостеприимным хозяином и его сотрудниками, уехали домой.

8-го мы с женой съездили к развалинам знаменитого “Мертвого города” – Хара-хото, где сделали ряд характерных фотографий. Развалины отстоят от Бухан-хуба всего на 16 верст. Дорога идет по пустыне с группами, обросших тамариском, барханов. Задолго до Хара-хото на дороге попадаются черепки, видны следы оросительных канав, кое-где торчат субурганы и остатки построек. Когда-то, лет пятьсот тому назад, жизнь была здесь ключом.

Возвращались мы лунной ночью. Такая ночь в пустыне похожа на странную сказку. Бледные тени мертвенных корявых кустов саксаула, обрывы, похожие на развалины, развалины, похожие на обрывы, темные шапки барханов, стройные силуэты древних субурганов, бесшумная поступь наших верблюдов и тишина.

Обратно к Торцо мы шли руслом Дунду-гола, чрезвычайно живописным, в особенности летом. Проведя день у хорошо знакомого торгоута Циндэ, мы, без особых приключений, старым же путем, достигли гор Ноян-Богдо.

На Эцин-голе было еще тепло. Гобийский Алтай встретил нас пронизывающим ноябрьским северо-западным ветром, уныло гудевшим в голых зубчатых скалах. Верблюды для обратного пути были уже готовы и мы, вернувшись в Ноян-Богдо 14-го ноября, 15-го выступили по направлению к Улан-Батору.

Этот последний этап экспедиции мы шли быстро, не работая в дороге, так как ноябрьские морозы давали себя знать. Впрочем, особенно холодно было лишь последние дни 10. На восемнадцатый день пути наш караван достиг Улан-Батора и мы, усталые, грязные и оборванные, в последний раз положили наших верблюдов во дворе Ученого Комитета. Было уже 3-е декабря.

* * *

Результат этой, почти пятимесячной, экспедиции сводится к следующему: обследован большой район юго-западной Гоби, частью в местах еще не посещенных исследователями; собраны для музея МНР зоологическая и ботаническая коллекции. В первой из них имеется ряд весьма интересных и редких экземпляров. Сделано много фотоснимков. Освещен ряд специальных вопросов, как например вопрос о земледелии в Гоби и др.

* * *

В заключение приведу несколько сведений экономического характера. Сведения эти касаются, главным образом, хошуна Гурбан Сайхан, который я посещал последовательно в течение трех лет. Население южной полосы МНР нельзя назвать бедным, так как настоящих бедняков весьма мало. Разводят, главным образом, верблюдов, затем лошадей и, в небольшом числе рогатый скот. Сарлыков почти нет. Их можно встретить лишь в горах Гурбан-Сайхан и на ближайших к ним хребтах. Из мелкого скота много баранов и особенно (сравнительно с более северными районами) коз. Предметы сбыта – шерсть, главным образом, верблюжья, живой скот, овчины и козлины, пушнина (волк, лисица, барс). Торговли в районе почти нет, так как китайская за последние два года замерла, и население испытывает острую потребность в сбыте сырья и в товарах. Прежде местные жители сами ездили торговать в ближайшие центры Китая, теперь же это сильно затруднено. Для Гурбан-Сайхана наиболее удобный торговый пункт – кум. Байшинтэ. От Улан-Батора до этого монастыря 20 дней спокойного караванного хода.